

Если бы он просто признался, всё встало бы на свои места, истина открылась бы, и не пришлось бы тратить столько сил и нервов.

Он поспешно заговорил:

— Чжуан Цзянь, десять лет назад в Сяньяне, это ты вступил в сговор с Янь Ши из Императорской гвардии, убил наложницу и принца, а затем совершил ещё одно тяжкое преступление?

Сердце Чжуан Цзяня бешено заколотилось. Он поднял лицо, его черты застыли, и слова, которые он мысленно повторял тысячи раз на протяжении десяти лет, слетели с языка сами собой — гладко и уверенно, так, что даже он сам почти поверил в них:

— Да, это правда. Мы с Янь Ши совершили это преступление...

Не успел он закончить, как раздался оглушительный хлопок — это Ло Аошэн, придя в ярость, ударил ладонью по столу! Все присутствующие в главном зале суда Дали — правый канцлер, цензор, князь Юнпин, главный евнух, тюремные стражники — вздрогнули от этого звука, боязливо потупились и замерли, дрожа от страха.

Лицо Чжуан Цзяня побледнело. Он переводил взгляд с младшего судьи Чжан Линя на главного судью Ло Аошэна, на мгновение опешив и не понимая, что именно сказал не так.

Может, тот разозлился, потому что посчитал признание недостаточно чистосердечным?

Ло Аошэн всегда был мягким и утончённым учёным, который никогда не повышал голоса. Но сейчас он резко изменился в лице и вскочил со своего места. Прежде спокойный и невозмутимый, он теперь пылал гневом, его длинные брови дрожали, а глаза, подобные фениксу, широко раскрылись. Уставившись прямо на Чжан Линя, он рывкнул:

— Довольно! Отойди в сторону, я сам продолжу допрос!

Чжан Линь густо покраснел от стыда, поспешно встал и уступил место в суде.

Остальные не понимали, что происходит, но главный судья Дали и младшие судьи прекрасно всё осознавали. Дело об имитации Чжуан Цзянем личности Чжоу Вэйчжуана, доказанный факт убийства Янь Ши, показания кормилицы Чжоу Вэйчжуана, свидетельства Сылана, подтверждения Чжуан Чана, показания соседей дома Чжуанов в Сяньяне — все эти улики, следы и почерковые экспертизы не оставляли сомнений: Чжуан Цзянь действительно выдавал себя за второго молодого господина Чжоу.

Это было неоспоримо!

Однако дело о цареубийстве, к которому якобы были причастны Чжуан Цзянь и Янь Ши, основывалось лишь на слухах. Свидетелей и вещественных доказательств не осталось, поэтому вынести приговор на основании одних догадок было нельзя. Чжан Линь чувствовал

неуверенность и, стремясь поскорее закрыть громкое дело, действовал неосторожно, пытаясь подтолкнуть преступника к признанию.

Как Ло Аошэн мог этого не заметить? Как мог не понять его намерений?

Но подобное наводящее ведение допроса было равносильно принуждению к признанию. Если бы обвиняемый поддался на уговоры и признался в том, чего не совершал, это было бы вопиющей несправедливостью!

Ло Аошэн не стерпел и открыто выразил негодование.

Судебное разбирательство — это не игра в кошки-мышки с преступником, а способ докопаться до истины, восстановить справедливость и наказать зло.

Ло Аошэн поднялся, грациозно пересёк зал и занял главное место. Он окинул взглядом присутствующих: в главном зале суда воцарилась мёртвая тишина, все затаили дыхание.

Ло Аошэн опустил взгляд на Чжуан Цзяня и мягко произнёс:

— Чжуан Цзянь, когда десять лет назад в Сяньяне начался мятеж и солдаты убили наложницу и принца, это был ты?

Чжуан Цзянь смотрел на него. Расстояние в две чжани казалось непреодолимой пропастью. Лицо Ло Аошэна, его голос — всё казалось призрачным и неясным. В памяти всплыло их первое знакомство в коридоре у дворца Цзиньлуань. Тогда он, замышляя недоброе, улыбнулся молодому чиновнику, ведающему уголовными делами. Ло Аошэн смутился, опустил глаза и ушёл. Чжуан Цзянь тогда был очарован его грацией, его душа потянулась к нему.

Он тогда легкомысленно подумал: интересно, доведётся ли мне однажды стоять перед ним в суде?

Прошёл год.

И вот, он пойман и стоит на коленях перед ним в зале суда. Человек тот же, чувства остались, но они прошли через череду столкновений и теперь оказались по разные стороны баррикад. На душе Чжуан Цзяня было горько, сердце разрывалось от нахлынувших чувств.

Не поднимая головы, глядя на кирпичный пол, Чжуан Цзянь ответил:

— Это сделал я.

Ло Аошэн холодно усмехнулся:

— Хорошо. Раз ты признаёшься в этом преступлении, излагай всё как есть. Кто был организатором? Ради чего убивали? Был ли кто-то за спиной? Как вы действовали? Сколько человек участвовало? Как готовились? В какое время собрались? Кто командовал? Как вы проникли в Запретный дворец? Почему перебили всю семью цензора Чжуана? Почему великий

генерал Юй Линь погиб в поместье Чжуанов? Почему произошёл конфликт внутри гвардии? Почему ты убил наложницу, но оставил в живых принца? Почему увёл принца из дворца? Почему расстался с подельниками? Как ты договорился с Янь Ши? Почему Чжоу Фу укрыл тебя? Узнал ли он в тебе своего бывшего ученика?

Расскажи всё подробно. Если не будет ни единой неточности, я прикажу тебе подписать и скрепить печатью признание. Но если хоть слово будет ложью, Чжуан Цзянь... — Ло Аошэн долго смотрел на макушку обвиняемого, а затем медленно добавил: — Ты знаешь, какое наказание грозит за дачу ложных показаний в суде?

Чжуан Цзянь вздрогнул.

Все присутствующие молчали; Ло Аошэн был безупречен в своей логике. Помолчав, Чжуан Цзянь опустил голову:

— Всем этим заправлял Янь Ши, я не в курсе подробностей. Он планировал, я лишь исполнял. За столько лет детали стёрлись из памяти, но я готов понести наказание.

Его слова снова были скользкими и уклончивыми.

Сердце Ло Аошэна похолодело. Он давал ему шанс на жизнь, а тот им не воспользовался.

— Чжуан Цзянь, ты кажешься покорным, но твои слова и поступки далеки от покорности. Думаешь, такими отговорками можно обмануть суд? — недовольно произнёс он. — Я не хочу применять пытки, но это не значит, что я не умею этого делать.

Стражники вокруг дружно ударили копьями в пол, требуя тишины.

Чжуан Цзянь содрогнулся. Он ничего не боялся, умел приспосабливаться к любым обстоятельствам, но больше всего на свете страшился физической боли. Он вырос в достатке, привык к комфорту и не мог вынести ни малейшего телесного страдания. Он знал, что такое пытки — он уже был бит и запуган людьми Ло Аошэна. Ло Аошэн знал о его слабости, а Чжуан Цзянь не хотел доводить дело до применения силы.

Кто бы мог подумать, что в наши дни даже чистосердечного признания недостаточно, и его всё равно собираются пытать!

Это уже слишком.

Чжуан Цзянь ожесточился, но на лице появилось смиренное выражение:

— Прошу прощения, господин Ло. Если мои показания вас не устраивают, я готов дать другие.

Он поднял взгляд на Ло Аошэна и мягко добавил:

— Каких именно показаний вы ждёте, господин Ло? Я скажу всё, что угодно. Пусть всё будет так, как вы решите!

Как ловко сказано.

Раз вам недостаточно моих показаний, вы сами укажите, что говорить, и я повторю всё до последней буквы. Чтобы вы могли прославиться как честный и неподкупный судья, смыв с себя подозрения в принуждении к признанию и ложных обвинениях.

Если вы так жаждете быть праведником, я помогу вам сделать это с удовольствием. Буду делать это, пока вам самому не надоест!

Лицо Ло Аошэна то вспыхивало алым, то становилось пепельно-серым. Он тяжело осел в кресле. Какой же бесстыдный этот Чжуан Цзянь... Его дерзость скрыта за мягкостью, словно игла в вате: стоит только сжать руку — и поранишься до крови, до боли в сердце.

Этот негодяй явно затаил на него обиду!

Чжоу Вэйчжуан — Чжуан Цзянь ненавидел его за то, что тот бросил его в тюрьму, ненавидел за отсутствие жалости, и эта ненависть проникла в самую суть. Он откровенно бросал ему вызов. Ты запер меня, а я сделаю так, чтобы тебе было невыносимо. Раз ты хочешь справедливости, я сделаю так, что никакой справедливости не останется.

Ло Аошэн всегда знал о его наглом нраве, но не ожидал такой дерзости. Тот сделал ставку на то, что Ло Аошэн всё ещё питает к нему чувства.

Ведь если он умрёт, кому-то будет очень больно! Может, кто-то будет ворочаться по ночам, роняя слёзы на подушку!

Окружающие, видя состояние Ло Аошэна, сочувствовали ему и боялись поднять взгляд. Оказалось, что даже у такого мудрого и могущественного судьи, который по одному мановению карал даже высших сановников, бывают моменты, когда он задыхается от бессилия.

Мир действительно полон противоречий: на каждую силу найдётся своя управа.

Ло Аошэн сжал кулаки так, что ногти впились в ладони до крови.

Он был холоден как лёд, глядя на Чжуан Цзяня, и лишь собрав всю волю в кулак, смог проглотить эту горечь. Глядя на эту бесстыдную, наглую живучесть Чжуан Цзяня, в голове Ло Аошэна мелькнула мысль: если бы можно было взять эту негодную тварь в руки и раздавить, смог бы он избавиться от этой застарелой обиды?

— Чжуан Цзянь, ты решил умереть, поэтому не говоришь правду, надеясь поскорее закончить с этим? — спросил Ло Аошэн.

— Я уже признался в содеянном, но вы мне не верите, я ничего не могу с этим поделать, — ответил Чжуан Цзянь.

Ло Аошэн слабо улыбнулся:

— Если не хочешь говорить сам, у меня есть свидетель, который заставит тебя заговорить.

Чжуан Цзянь вскинул голову, его лицо изменилось.

Ло Аошэн подошёл к нему и прошептал:

— Чжуан Цзянь, ты злишься на меня, поэтому молчишь? В этом мире ещё остались те, кто знает о твоих преступлениях. Ты забыл, что кое-кто всё ещё жив.

Чжуан Цзянь внезапно всё понял. Лицо его побелело, в глазах отразились боль и страх. В этом мире миллионы людей, и он мог бы заставить себя забыть о них, но был один человек, с которым он не мог встретиться. Эта встреча была бы для него хуже пытки, хуже смерти. Он был слишком виноват перед ним: долг жизни, долг верности, долг любви — он не смел показаться ему на глаза.

Вся спесь разом покинула Чжуан Цзяня. Забыв о гордости, он ухватился за рукав чиновничьего халата Ло Аошэна и умоляюще прошептал:

— Я же сказал, что готов изменить показания, как вы того хотите. Свидетель не нужен.

Ло Аошэн внимательно взгляделся в его лицо. Чжуан Цзянь был бледен и выглядел сломленным. Внутри у Ло Аошэна всё переворачивалось. Этот приговорённый к смерти негодяй так отчаянно изворачивался перед ним, но так боялся предстать перед другими. Искренность и ложь, верх и низ... он всё так чётко разделял.

Даже перед лицом смерти он оставался таким невыносимым.

Ло Аошэн резко выдернул рукав из его рук и приказал:

— Приведите наследного принца. Я хочу услышать показания бывшего Сянъянского вана Лю Юби. А после мы вернёмся к этому делу.

В этот момент стражники отодвинули ширмы и убрали столы. Вместо стражников и чиновников в зал вошли дворцовые евнухи.

Чжуан Цзянь побелел как полотно. Его била мелкая дрожь, одежда ходила ходуном, он едва держался на коленях. Человек, обычно такой изворотливый, теперь выглядел как жертва, подставленная под нож. Евнухи и стражники были в недоумении, не понимая, что происходит.

Губы Чжуан Цзяня потеряли всякий цвет, лицо приобрело сероватый, мертвенный оттенок. От этого его чёрные зрачки казались ещё темнее. Он поднял взгляд на убранную ширму.

Через мгновение он опустил голову, не в силах смотреть.

Наследный принц Лю Юби сидел за ширмой. Оказалось, главный судья Дали давно пригласил его сюда, скрыв это от преступника. В душе Чжуан Цзяня бушевала буря из страха, гнева и печали, но в то же время он не чувствовал ничего — ни радости, ни горя, словно душа покинула тело.

Он не знал, в раю он или уже в аду. Тело не подвергалось пыткам, но откуда же эта невыносимая боль в каждой клеточке? Откуда эта боль, пронзающая сердце?

Лучше бы этой встречи не было. Чжуан Цзянь думал о том, почему же так трудно просто умереть. Он опустил голову и больше не поднимал её.

Лю Юби, одетый в чёрное придворное платье, сидел в кресле и смотрел сверху вниз. Казалось, он изменился — стал молчаливым и сдержанным.

Ло Аошэн спокойно наблюдал за происходящим, храня молчание.

Смотреть — больно, не смотреть — тоже.

Говорить — больно, молчать — тоже.

Смеяться — больно, плакать — тоже.

Жить — трудно, но даже умереть оказалось непросто.

В этот миг Чжуан Цзянь осознал: вся его десятилетняя жизнь в бегах была лишь нелепой насмешкой, бесполезной суетой.

Смешно, ведь все в этом мире боятся смерти, боятся, что это будет слишком больно. Но если бы они знали, что жизнь может быть куда мучительнее смерти, они бы больше не боялись.

Ло Аошэн приказал всем чиновникам удалиться, оставив в зале лишь нескольких евнухов и стражников.

Он обернулся к Лю Юби:

— Ваше Высочество, вы узнаете Чжуан Цзяня?

Лю Юби долго молчал, словно собираясь с силами, прежде чем тихо ответить:

— Не помню точно. Кажется, узнаю, а кажется, нет.

Ло Аошэн пристально посмотрел на него.

Голос Лю Юби был едва слышным, но он произнёс это твёрдо:

— Я видел его лишь трижды. В детстве, тогда я не запомнил лица, только его улыбку. Потом мы провели вместе день и ночь в пути — всё было так спешно, что я почти не помню его. И последний раз... — он посмотрел на Чжуан Цзяня, — я помню, как провёл почти год с наставником Чжоу, но не знаю, как он превратился в... того человека...

Ло Аошэн ждал продолжения. Чжуан Цзянь чувствовал, как внутри него всё горит.

Лю Юби продолжил:

— Сегодня он кажется другим, и в то же время очень похожим. Должно быть, прошло слишком много времени. — Он замолчал, но, не в силах сдержаться, добавил, словно самому себе: — Тот человек всегда много болтал, нёс чепуху и строил из себя всезнайку. Я этого терпеть не мог. Он всегда был таким.

Лю Юби собрался с мыслями:

— Во время мятежа я с семьёй был в загородном дворце Сяньяна. Отец был на охоте. Помню, в ту ночь я слышал шум в переднем дворце, крики слуг. Но вскоре всё стихло. Видимо, что-то произошло. А потом появился этот тип: довольно миловидный, с бегающими глазами и гаденькой ухмылкой. Это был Чжуан...

Лю Юби сделал паузу:

— Этот человек был до смешного нелеп. Он не мог посмотреть мне в глаза, зато плёл невероятную ложь о том, что собирается спасти меня и брата, увести из дворца в Чанъань. Я не верил ни единому его слову, но кормилица поверила. Уходя, он, видимо, испугался, что она что-то выболтает, и убил её, а потом, даже не вытерев меч, важно зашагал дальше, пытаясь обмануть нас.

На лице Лю Юби появилась горькая усмешка:

— Я терпеть не мог таких людей. Ничего не умеют, зато строят из себя героев. Смотреть на его самодовольство было тошно. Поэтому в дороге я сказал ему: если ты смог убить кормилицу, почему не убьёшь и нас? Он был злопамятным и затаил обиду. Вместо того чтобы спасти нас, он всё думал, как бы избавиться от нас и удрать со своим дружкой.

Лю Юби опустил веки, глаза защипало:

— Помню, той ночью он пытался убить брата, но не вышло. А потом пришёл тот человек, и они ушли в лес, чтобы предаться своим утехам. — Его голос задрожал, перед глазами встала картина десятилетней давности. Она словно впечаталась в память.

Тогда небо слилось с землёй в густой черноте. Вокруг кружились лепестки цветов и сухие листья, гонимые ветром. Луна светила холодно и отстранённо. Его тело, подобное гибкому тростнику, изгибалось под порывами ветра. Лунный свет падал на его лицо и руки, капли пота, словно жемчужины, катились по его коже, теряясь в траве. Растрёпанные чёрные волосы липли к спине, придавая ему невыразимо соблазнительный вид.

Зелёные деревья, увитые лианами, аромат трав, смешанный с тёплым ветром, — казалось, они на небесах, в чертогах небожителей.

Его тело двигалось, чёрные волосы, подобные шёлку, разметались по плечам. Он был полуобнажён, в его движениях сквозила юношеская неискушённость. Лунный свет, мотыльки, кружащие вокруг, его полузакрытые глаза с влажным блеском, насмешливая улыбка, изгиб губ — в нём было столько очарования, столько страсти, что он совершенно не походил на того

посредственного человека, которого он знал.

Наследный принц тихо проговорил:

— Я смотрел на это, и внутри росла ненависть. Какой же он мерзкий: даже перед лицом смерти не мог перестать заниматься этим постыдным делом. Когда-нибудь, когда я стану императором, я схвачу его, заставлю ползать в ногах и молить о пощаде, чтобы он больше никогда не смел заигрывать с мужчинами.

Ло Аошэн, выслушав это, перевёл взгляд в окно, где в лучах весеннего солнца зеленела молодая листва.

<http://bllate.org/book/21149/2144293>